

АБСУРД, ЭФЕМЕРНОСТЬ И ВЗРОСЛЫЕ ПОСТУПКИ: КНИЖНЫЕ НОВИНКИ АВГУСТА

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной

русской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Реданции Елены Шубиной». Главный редактор издательства «Альпина. Проза».

ДЖОН БОЙН, «ПУТЕШЕСТВИЕ К ВРАТАМ МУДРОСТИ» («ФАНТОМ ПРЕСС»)

Роман с заявкой на самый сложный и насыщенный хронотоп: действие охватывает события с первого века от Рождества Христова на две тысячи лет вперед и происходит в пятидесяти двух странах мира. Герой этой истории — тонко чувствующий мальчик, растущий в тени своего отца, делающий значительные успехи в живописи, а вот в жизни — не очень. Его предаст близкий человек, и с тех пор юноша будет одержим жаждой мести. Набор персонажей из семьи главного героя — героя-творца, у которого дар вытеснил саму возможность бытового счастья, — перемещается из эпохи в эпоху, из страны в страну. Окружающие нас вещи, события и явления могут измениться, говорит нарратор, но наши эмоции остаются прежними. А значит, точка стабильности совсем не там, где ее принято искать. Не надо привязываться к «вещному» и кажущемуся неизменным: опираться на эфемерное и неосознанное — верный путь. Человек, потерявший близкого тысячу лет назад, чувствовал то же самое, что чувствуют люди в той же ситуации. А потому история человечества суть история одного человека. Героем движет месть и другие эмоции, декорации сменяются с невероятной быстротой, вместе с ними меняются его социальные роли и маски, он вновь и вновь оказывается в ситуации выбора, но влияет ли его выбор на что-то не только в контексте мировой истории, но даже и его собственной жизни, — вопрос открытый и неоднозначный. Куда вы торопитесь? — остается незадаанным вопросом автора. — Вы уже здесь.

«Примерно через месяц после того, как мой отец обезглавил все статуи в Каппадокии и снабдил торсы высеченными из мрамора ликами императора, произошли два примечательных события.

Во-первых, пророчество Фолами сбылось — Калигулу убили, а во-вторых, пропал я.

Хотя я был слишком мал, чтобы понимать важность того, о чем шел разговор в нашем доме, меня усадили рядом с братом и сестрой, и мы слушали, как Марек пересказывал слухи, распространявшиеся по всей империи, от Испании до Иудеи и от Германии до Карфагена.

– Он был на спектакле во дворце, играли какую-то дрянную пьесу, – рассказывал отец, – И в своей обычной пленительной манере Калигула высмеивал актеров и попутно издевался над сенаторами из своей свиты; сенаторы, все до единого, одним глазом смотрели на сцену, другим на императора, дабы не пропустить момент, когда он засмеется, чтобы рассмеяться вместе с ним, но не раньше и не позже».

НСЕНИЯ БУРЖСНАЯ, «ЛИТОРАЛЬ» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Новый роман Нсени Буржской — это органичный микс из «Доктора Дженила и мистера Хайда» и чеховских «Трех сестер». Но обо всем по порядку. Почему Дженил и Хайд? Потому что это история о двух людях в одном человеке, о двух субличности, практически не имеющих точек соприкосновения, кроме разве что той, что обе они заключены в одном теле. Трезвая Анна живет серую жизнь учительницы общественнознания в крошечном закрытом северном городе, где ремонтируют подводные лодки. А вечно пьяная Хлоя полна радости и жажды приключений, которых она в избытке находит. Хлоя не должно бы существовать на свете, но она не знает об этом и пытается, напротив, полностью вытеснить Анну. Почему «Три сестры»? Потому что это роман о невозможности действия даже при иллюзии действия. Снольно бы лягушка ни болтала лапками в кувшине с молоком, масло не взобьется. И это удел не только главной героини (героинь?), но и всех остальных: ее мужа-душнила, застенчивого сына-подростка, мечтающего стать стендапером и уехать в Петербург, других людей из ее окружения. Просто кто-то это осознает и принимает, а кому-то проще не задумываться и жить. Или создавать иллюзию жизни. Дом на краю света оназывается замкнутым полумифическим пространством, из которого некуда бежать, единственная дорога — к океану, который приливами и отливами смывает все следы и хранит ледяное молчание. Открытый финал оставляет надежду на спасение, но что стоит за этим спасением, совершенно непонятно.

«Постепенно уходит все, знала Анна, и любовь, и розы на длинных ногах, и обеды по учебнику. Постепенно – знала Анна – приходит усталость. Обида, неоправданные ожидания, несбывшиеся надежды. Постепенно в негодность приходит все – линолеум, плитка, брак. Вода в унитазах оставляет ржавый оранжевый след. И хочется просто вырваться. Уехать в Мурманск на один день. Не сказать никому. Потеряться в толпе. Встретить кого-то и снова почувствовать себя живой. Но только не Анна. Нет. Она никогда так не сделает. Сегодня вечером она придет домой, пропылесосит, вытрет пыль, откроет одну из старых своих кулинарных книг и что-нибудь обязательно приготовит. Надо только придумать что – от этого зависит, что взять в магазине. Хорошо бы это сделал Толя, ничего при этом не перепутав. Анна помнит, как однажды собирала Наума в лагерь. Отправила Толю купить что-то ему в дорогу, ну что там обычно берут в автобус – печенье, сушки, чипсы какие-то...

– Что тебе дать с собой? – спросила она Наума.

– Мне все равно, – отозвался бесстрастный Наум. – Главное, чтобы не п-пряники.

– Купи что угодно, только не пряники, – перевела Анна Толе, стоящему в дверях.

Толи не было долго, вернулся с набитым кульком. «Пряники еле нашел, – довольно сказал он. – Нигде не было».

ХИРОМИ НАВАНАМИ, «ЛЮДИ ТУТ У НАС» (POLYANDRIA NO AGE)

Японская писательница Хироми Наванами — мастер короткого рассказа. По-настоящему короткого, когда краткость предельная, граничащая со скупостью, но никогда эту границу не пересекающая. Действие рассказов этого цикла происходит в одном токийском пригороде, и это абсурдистские истории об обычных, но очень странных людях: один из них рассказывает о курином аде, другой ходит в беседку в парне как в «нонтору», третий — таксист, устраивающий экскурсии привидениям, четвертая берет на воспитание ребенка, который на протяжении десятилетий не меняется и не вырастает ни капли, пятый слышит мертвых. И это далеко не полный перечень героев и их странностей. Первые предложения этих рассказов заслуживают отдельного упоминания: броские, парадоксальные, они не оставляют читателю шанса не провалиться в текст мгновенно: «Имени я не помню», «У тети из закусочной “Любовь” лицо демона», «Нанаэ-тян совсем испортилась», «Нам выпало дежурить по Хатино два раза», «Старик с тенями, как его называли, жил в особняке на отшибе». Не хуже автору (и вместе с ней переводчице Елене Байбиковой) удаются и концовки этих историй: тот случай, когда сильные позиции текста отработаны на все сто.

Это литература эмоций и впечатлений, созерцания, а не назидания, озарений, а не смыслов. Это не значит, что истории эти бессмысленны,

но интуиция в них явно превалирует над рацио. Незванная рассказчица ведет нас по этому городку, как по фолкнеровской Йоннапатофе, удивляя нас снова и снова и делая наконец сам факт удивления привычным, смешав категории чудесного, абсурдного и обыденного.

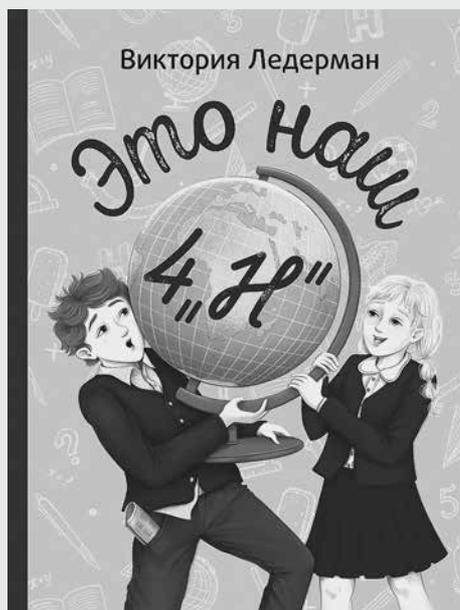
«Недавно меню закуской «Любовь» расширилось. Вообще, изначально оно было основано на избытках продуктов, которые тетька использовала для приготовления собственных завтраков, обедов и ужинов. Иногда – но крайне редко – тете надоедало есть гамбургеры, фрикадельки и сдобные булочки, тогда в меню могли ненадолго появиться рис с карри, китайские паровые пельмени шаомай (разумеется, и то и другое – быстрого приготовления) и дынный хлеб. Но в целом круглый год основой ее рациона были гамбургеры, фрикадельки и сдоба.

Расширенное меню теперь включало тыквенное пюре, рисовую кашу и перетертый шпинат. А все потому, что у тетиной дочери родился малыш и остатки его детского питания (конечно же, быстрого приготовления) фигурировали в меню под красивым заголовком «Наши новые блюда!!!».

Люди тут у нас не ходят в закусочную «Любовь». Но изредка сюда по ошибке заглядывают какие-нибудь заплутавшие посетители, впрочем, спустя непродолжительное время они торопливо покидают закусочную. Как тетька добывает средства к существованию, остается загадкой».

ДЭНИЕЛ МЕЙСОН, «СЕВЕРНЫЙ ЛЕС» («ФАНТОМ ПРЕСС»)

Одна хижина в лесу в США близ Оунфилда, Западный Массачусетс, — и множество героев с везь времена. Сменяются люди, живущие в доме, меняется и сам дом, наблюдающий предательства, разочарования, обман, убийства, болезни и множество других событий. Среди его жителей будут художник, убийца, страдающий эротоманией бухгалтер, шарлатанка-ме-

диум, журналист, шизофреник — и многие другие. Автор виртуозно сплетает десятки нитей в тугую косу, не ограничиваясь единственной точкой пересечения — хижинкой, но описывая потомков разных героев, а еще делая истории из первой половины книги темами студенческих работ, которые проверяет преподавательница литературы. В этом тексте дом, построенный влюбленными из пуританской колонии, — главный протагонист, а жизнь людей и жизнь природы соположены: птицам, растениям и животным здесь уделено равно много внимания. Хижина и сад вокруг нее становятся главной антитезой войны: второй ее владелец бунвально бежит в северный лес от войны и возделывает здесь свой сад, но Война за независимость не оставляет ему шанса на мирную жизнь. Для каждой из рассказываемых историй, для каждой из описываемых эпох находит автор свои повествовательные и жанровые приемы, тем самым наделяя их ее большей выразительностью и уникальностью.

Работа над этим романом стала для Мейсона определенным экспериментом — он писал его ровно год, по главе в месяц, тем самым уложив для себя значительный отрезок мировой истории (четыре века) в весьма короткий срок. Идея времени таким образом относится на второй и далее план, все эти люди, звери и птицы сосуществуют и для автора, и для читателя в одном времени, в одном пространстве — здесь и сейчас.

«Из огорода повитухи – три картофелины. Галеты из кармана спящего пастуха. Курицу с фермы поселенцев, курицу-несушку, которую он носил под мышкой. Мой эльф, называл он возлюбленную под покровом тьмы, и она заглядывала ему в глаза. Сумасшедший, думала она, ходит в одних лохмотьях, с топором и кудахчущей птицей. А что за речи он ведет! О Флоре, царстве жабы и моллюска, о созвездиях светлячков, о владычестве волка и медведя, о цветущей плесени. И о духах, что витают в лесу, вокруг них, повсюду, – о духах птиц и рыб, каждой ели и каждого жука.

Она смеялась: как же им хватит места? Тогда рыб будет больше, чем воды. Птиц больше, чем неба. По тысяче ангелов на каждой травинке.

Тише, сказал он, останавливая ее поцелуем, не то они обидятся: енот, червь, жаба, блуждающий болотный огонек».

ВИНТОРИЯ ЛЕДЕРМАН, «ЭТО НАШ 4 "Н"» («НОМПАСГИД»)

Если Виктор Драгунский и Ирина Пивоварова уже зачитаны до дыр, Николай Носов и Анатолий Алексин тоже освоены и хочется чего-то непременно такого же, но, разумеется, совершенно другого и про наши дни, то книги Винтории Ледерман — то, что вам нужно. Эта, как понятно из названия, ориентирована на детей младшего школьного возраста, которые, конечно, уже совсем не считают свой возраст младшим и каждый день совершают какие-то очень, как им кажется, взрослые поступки. Нороткие истории про учеников и учителей одного класса — четвертого «научного», который пока не очень думает о науке. А думает о том, о чем положено думать десятилеткам: прогулках, компьютерных играх, веселых днях рождения и том, как не попасться на глаза учителю, когда не сделал домашнее задание. Отличная книжка и для летнего, и для семейного чтения.

«Стас и Влад не сдавались. Они приходили в школу то полностью одинаковыми — с волосами назад, без часов, в черных кедах, — то изображали друг друга: Влад надевал часы Стаса, Стас зачесывал волосы на бочок, они менялись кроссовками... Результат был всегда один и тот же. Учитель без труда мог отличить Влада от Стаса, а Стаса от Влада.

— Все равно не понимаю, как нас можно различить, — вздохнул Влад несколько дней спустя, когда учитель оставил их переписывать контрольную.

— Мама с папой тоже нас различают, — сказал Стас.

— Но это мама с папой! Для них-то мы разные.

— Но вы и в самом деле разные, — отозвался учитель из-за своего стола. — Один правша, другой левша».

